

Через несколько дней плавания они наконец прибыли в Юнчжу.

Гу Чэньюй всё ещё считал произошедшее позором и собирался несколько дней прятаться от Фу Сьюаня. Но тот был словно тень: хоть на край света беги, всё равно найдёт.

Ещё раздражало, что Гу Чэньюя постоянно не пускали к госпоже Юнь.

Старшая сестра Юнь почему-то объявила, что заболела и не принимает гостей, хотя Гу Чэньюй собственными глазами видел, как утром она беседовала с людьми на носу корабля.

Получив очередной отказ у двери, юноша целиком ушёл в культивацию.

По нынешнему темпу меньше чем через год он сможет прорваться на стадию Золотого Ядра.

Скорость была по-настоящему пугающей.

Семнадцатилетний культиватор Золотого Ядра — даже на всём континенте Тяньсюань такие встречались крайне редко.

Но теперь у него появилась ещё одна небольшая неприятность.

По ночам Гу Чэньюй всё время чувствовал жар в груди, а по конечностям будто бегали покалывающие волны. Иногда даже ноги становились ватными. Но он был совершенно здоров, бодр и простуды не подхватил. Что вообще происходит?

Даньтянь разогревался, а Договор Единого Сердца слабо отзывался внутри.

Однажды ночью, когда Гу Чэньюй в очередной раз ворочался без сна, его внезапно осенило...

Нет.

Стоп.

[Поскольку вы ещё не занимались парной культивацией, беспокойство Договора Единого Сердца совершенно нормально. Просто привыкни.]

— ?

Что?

Юноша подскочил так резко, что едва не свалился с кровати.

Старший вообще по-китайски сейчас сказал? Каждый иероглиф он знает, а вместе они почему-то превращаются в какую-то бессмыслицу.

[Ну, это правда нормально. Даже если тебе приснится, что вы валяетесь вместе, — тоже нормально.]

Самую взрывоопасную правду Линлинци сказать не решился.

Это было вовсе не обычное «беспокойство». На самом деле фантазии Фу Сяюаня через Договор Единого Сердца напрямую проецировались на Гу Чэньюя.

Когда у одного из заключивших договор человека особенно сильная одержимость, Договор Единого Сердца передаёт его фантазии другому, облегчая эмоциональное сближение и парную культивацию.

Да, эта штука именно настолько безумная и эффективная. Иначе с какой стати её в основном заключали партнёры по Дао?

Но Линлинци ни за что не скажет правду.

Он боялся, что Гу Чэньюй просто взорвётся.

Юноша с отчаянием терпел жар, поднялся с кровати и начал отжиматься.

— Я немного жалею.

[Поздно. Дальше сам выкручивайся.]

В день прибытия небо было чистым и ясным.

Шэнцзин действительно оправдывал славу: куда ни глянь, по реке Цанлан тянулись вереницы кораблей, тысячи парусов проходили мимо, а на пристани яблоку было негде упасть.

— Сяо Юй, Шэнцзин хорош, но и мошенников здесь хватает. На улице будь внимательнее, не дай себя обмануть.

Перед расставанием Юнь Чжиянь снова тревожно наставляла его. Красивые брови нахмурились.

— Чужое сердце непостижимо. Будь очень осторожен.

Гу Чэньюй и сам прекрасно это понимал, но забота Юнь Чжиюнь всё равно его тронула.

— Хорошо, старшая сестра Юнь. Если узнаю что-нибудь о брате Чжияне, сразу же дам тебе знать!

Женщина пару раз покосилась на Фу Сыюаня и, не обращая внимания на его мрачный взгляд, оттащила Гу Чэньюя в сторону, чтобы сказать несколько слов наедине.

— О Чжияне можешь не беспокоиться. А вот тот твой друг... будь осторожен.

— Осторожен? Почему?..

Он не успел договорить.

Фу Сыюань широким шагом подошёл и взял Гу Чэньюя за запястье. Юнь Чжиюнь больше ничего не сказала. На её лице появилась лёгкая улыбка, она чуть присела в поклоне.

— Встреча — тоже судьба. На этом Юньнян прощается.

— Старшая сестра Юнь! До встречи!

Фу Сыюань уже тянул Гу Чэньюя с корабля, а тот всё ещё оборачивался и махал рукой.

Одинокая фигура женщины осталась у кормы. Несколько тихих вздохов растворились в ветре.

— Подними ногу.

Юноша опомнился и переступил деревянный порог перед собой.

Людей было так много, что они почти тёрлись плечами. Гу Чэньюй одновременно смотрел под ноги и разговаривал с Фу Сыюанем.

— Денег осталось немного. Надо придумать, где достать духовных камней.

— Заглянем на чёрный рынок?

В прошлой жизни оба были культиваторами, но сильные стороны у них различались.

У Гу Чэньюя была потрясающая понятливость: любую технику он схватывал с первого объяснения, и алхимия с созданием артефактов давались ему легко. Даже худшая пилюля из его печи получалась сокровенного ранга, а при создании артефактов он практически не ошибался.

Но талисманы и формации были его вечной болью.

Фу Сыюань, наоборот, особенно хорошо разбирался именно в них. Созданная им Формация Семи Убийств вообще не имела центра и представляла собой беспощадную смертельную формацию. При равной культивации, если Фу Сыюань делал ход, то почти всегда шёл на убийство.

Когда Гу Чэньюй учился в секте Сюаньюэ, он страшно мучился с этим направлением. Почти каждую ночь просиживал с Фу Сыюанем над талисманами и формациями до полуночи, а потом они засыпали на одной постели. Лишь через полмесяца он начал хоть что-то понимать и перестал ежедневно попадать к старейшинам на дополнительные занятия.

Но даже теперь стоило ему увидеть талисман или формацию, как в голове начинало гудеть.

Фу Сыюань молча смотрел на него.

— ...Чего?

Гу Чэньюй виновато потёр нос.

— Знаю-знаю. В прошлой жизни я случайно от тебя отстал. В этот раз не потеряюсь.

Мне всё равно надо попасть на чёрный рынок ради сюжетной точки.

Юнчжу был роскошен и процветал, но, как свет всегда отбрасывает тень, под пышной оболочкой города скрывались мутные течения. Здесь переплетались десятки сил, а чёрный рынок был той серой зоной, о которой все знали, но предпочитали молчать.

[Сюжетная точка: «Тайна чёрного рынка»]

[Время: час Чоу первого дня четвёртого месяца]

[Место: подземная тюрьма чёрного рынка]

[Участники: неизвестно, Гу Чэньюй]

— А-Юй, я не позволю тебе рисковать. Что ты хочешь сделать?

Увидев, как лицо Фу Сьюаня похолодело, Гу Чэньюй посерьёзnel.

— Хочу разобраться с теми торговцами людьми из прошлой жизни.

Тогда, потеряв Фу Сьюаня, Гу Чэньюй попался на обман торговца. Тот предложил ему работу, а потом усыпил и запер в подземной тюрьме без единого луча света.

Там Гу Чэньюй с ужасом обнаружил по меньшей мере несколько десятков подростков его возраста, а ещё детей лет семи-восьми.

Тем, кто был постарше, ломали ноги и руки, превращая в нищих. Маленьких перепродавали бездетным семьям.

В тюрьме Гу Чэньюя сначала несколько раз жестоко избили, потом двое суток почти не кормили. Работоторговцы увидели, что он красив, и потому не стали калечить. Хотели сначала «воспитать», а потом продать в увеселительный дом.

Но Гу Чэньюй оказался слишком упрямым — характер жёсткий, чужим приказам не подчиняется.

Главарь в итоге разозлился. Один Гу Чэньюй им был не так уж нужен, поэтому ему дали сильное снадобье и решили продать «на мясо», чтобы хотя бы не пропала хорошая кожа и плоть.

Именно тогда тот странствующий культиватор явился словно небесный воин.

Дальше всё и так понятно.

Этот опыт сильно повлиял на Гу Чэньюя.

Именно тот старший впервые показал ему, что значит карать зло, помогать слабым и защищать Поднебесную.

Гу Чэньюй тоже хотел использовать собственную силу, чтобы спасти как можно больше людей.

Своим мечом.

Своим Дао.

Он хотел защищать ту справедливость, которую признавал сердцем.

Да, в мире хватает грязи и зла. Но даже свет светлячка остаётся светом. Его собственная ничтожная сила, возможно, станет последней соломинкой для тех, кто тонет в болоте.

Потому что он и сам когда-то оказался во тьме, теперь ему особенно хотелось приносить рассвет.

Старший Лин требовал пройти сюжет, а Гу Чэньюй хотел спасти людей. Одно другому не мешало.

Только на этот раз спасённых не будет жалкая горстка.

Он успел.

Он сможет спасти больше.

— Я всё продумал. Эти бессердечные твари особенно любят обманывать детей, которые только приехали в город. Я переоденусь маленьким нищим и подожду, пока меня попытаются заманить.

— Когда клюнут, ты пойдёшь следом из тени. Потом сразу ударим по логову и вытащим всех разом.

— Очень просто, да?

[Так это же провокация преступника? Ловля на живца.]

Ловля на живца? Это ещё что?

[Намеренно подталкиваешь человека к преступлению, а потом обрушиваешь на него кулак закона.]

Гу Чэньюй заявил: всё верно.

Он именно этим и займётся!

Этим работорговцам вообще положено выстроиться в ряд, чтобы он прошёлся по ним из пистолета. Сколько невинных детей они погубили? Сколько семей разлучили?

И что с того, что он заманит их на живца?

Это называется исполнение справедливости!

Фу Сыюань крепко нахмурился.

— Я всё равно не позволю тебе рисковать. Ты остаёшься в тени, я иду на приманку.

— Нет. То есть... можешь пойти вместе со мной, но я обязательно должен участвовать!

Я не пойду — сюжетную точку не пройду.

— Чэньюй.

Голос Фу Сыюаня смягчился, и в нём редко слышалась почти просьба.

Но юноша твёрдо покачал головой и похлопал его по плечу.

— Хороший мальчик. Хоть папой назови — не поможет.

Ресницы Фу Сыюаня дрогнули.

В конце концов он молча кивнул.

<http://bllate.org/book/19829/1959946>